9(с)
С60

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

XII

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В ПЯТНАДЦАТИ КНИГАХ

Издательство
социально-экономической
литературы
«МЫСЛЬ»
МОСКВА

У(2)
С60

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

КНИГА XII

(ТОМА 23-24)

409189

Оренбургская областная
БИБЛИОТЕКА им. Н. К. Крупской

Издательство
социально-экономической
литературы
«МЫСЛЬ»
МОСКВА 1964

Малороссийское народонаселение в XVIII веке вытягивалось далеко на восток, к границам государства с степною Азиею, где Россия мстила кочевникам за их прежние опустошения, приглашая к выгодной торговле. Мы видели, как давно заботились здесь о приискании и укреплении места, которое должно было именно быть средоточием среднеазиатской торговли, мы видели здесь деятельность Кириллова, которого заменил Татищев; при Елисавете мы видим здесь другого птенца Петра Великого, Ив. Ив. Неплюева, хорошо известного нам по дипломатической деятельности в Константинополе. Расположение Остермана готовило Неплюеву более широкое поприще: мы видели, что в правление Анны Леопольдовны он был назначен правителем Малороссии; переворот 25 ноября, падение Остермана повели и к падению Неплюева как креатуры Остермана; но были люди, и прежде других сама императрица, которые считали Неплюева креатурою Петра Великого и не считали полезным отнять деятельность у человека, отмеченного преобразователем. Но оставим самого Неплюева рассказывать нам о своих приключениях.

«В исходе того года (1741) прислан в Глухов Александр Бор. Бутурлин, коему повелено меня, сменя от всех должностей, отправить в Петербург, а притом публиковать, так как и во всем государстве публиковано было, что все указы, какого бы звания ни были, данные в бывшее правление, уничтожаются и все чины и достоинства отъемлются, и посему я увидел себя вдруг лишенным знатного поста, ордена и деревень. Приехав в Москву, узнал, что меня обвиняют дружбою с графом Остерманом; и хотя я ничего противного отечеству и самодержавной власти не только не делал, не слыхал, но ей-ей и никогда не думал; со всем тем сия ведомость меня потревожила несказанно. В графе ж Андрее Ивановиче имел я всегда моего благодетеля, и за что он так осужден был, того также по совести, как пред богом явиться, не ведал. Возложился на бога и на мою неповинность и с теми мыслями в Петербург прибыл и явился у князя Алексея Михайловича (Черкаского), и у князя Никиты Юрьевича (Трубецкого), кои мне всегда были благодетели. Князь Никита Юрьевич сказал, чтоб я ехал к принцу Гессен-Гомбургскому и ему бы доложил о моем приезде, что я и сделал. От принца прислан был ко мне приказ, чтоб я никуда не съезжал с двора, и потом сведал, что в особо учрежденной комиссии в 16 пунктах допрашивали графа Остермана: не ведал ли о сем Неплюев? И он давал ответы, как то и подлинно было, что я ни о чем не был известен; и хотя он ныне несчастен, но я не могу отпереться, что он был мой благотворитель и человек таковых дарований по управлению делами, каковых мало было в Европе. В начале 1742 прислан мне

от принца приказ, чтоб я у двора явился, что я и исполнил, и при сем случае поставлен я был на колена пред церковью в то время, когда императрица Елисавета Петровна проходила в оную; она изволила, остановясь, возложить на меня паки орден св. Александра Невского и пожаловать меня допустить к руке; я, увидев дщерь государя, мною обожаемого, в славе ей принадлежащей и в лице ее черты моего отца и государя Петра Первого, так обрадовался, что забыл все минувшее и желал ей от истинной души всех благ и последования ей путем в бозе опочивающего родителя. Потом сделал я визиты всем знатным. Старый мой благодетель Григорий Петрович (Чернышев) принял меня как родного и все силы употреблял к защищению моей невинности. Чрез несколько дней сделана мне от Сената повестка, чтоб я в оный явился, где мне объявлен именной указ, чтоб ехать в Оренбургскую экспедицию командиром».

Это назначение было для Неплюева почетною ссылкою; но благодаря своим способностям и энергии он на этом месте служения своего приобрел наибольшее право оставить свое имя на страницах русской истории, на страницах истории цивилизации. Область, вверенная управлению Неплюева, начиналась за Волгою, где Самара была обыкновенным местопребыванием командиров Оренбургской экспедиции. Оренбург, о котором было столько хлопот, который считался оплотом России от Средней Азии, представлял крепость, окруженную забором из плетня, осыпанным земляным дерном; гарнизон был ничтожный. В эту твердыню командиры ездили раз в год с многочисленным конвоем, потому что по всей линии регулярных команд никогда не было, кроме беглых крестьян, называвшихся козаками. Зимою сообщение между Самарою и яицкою линиею вовсе пресекалось. Неплюев в том же 1742 году объехал линию, назначил, где быть селениям и как укрепить их по правилам фортификационным и достаточным для обороны от степного народа, снабдив все эти места гарнизоном из регулярных войск, артиллериею и пороховыми магазинами. Оренбург он переименовал в Орскую крепость, назначил укрепить ее валом с бастионами, но счел ее неудобною быть торговым средоточием и выбрал для этого место на 250 верст ниже по течению Яика, основал тут новую крепость и назвал ее опять Оренбургом. Этот Оренбург укреплен был рвом и валом с каменною одеждою в окружности без малого пять верст. Неплюев приманивал туда купцов из Самары и других мест разными выгодами, и, желая подать пример поселенцам в перенесении трудов на новом, только что обстраивающемся месте, жил в землянке, как и все другие, и вошел в новоотстроенный свой командирский дом не прежде, как и все другие жители вошли в свои дома, а гарнизон — в казармы, после

чего он уже не возвращался более в Самару, или в Русь, как тогда говорили в Оренбурге. Купцы были приманены в новую крепость торговыми выгодами, и потому надобно было хлопотать о том, чтоб они не обманулись в своих надеждах. Неплюев стал приманивать других купцов из России, писал во все магистраты; с другой стороны, посылал приглашать киргизцев, хивинцев, ташкенцев, кошкарцев, трухменцев и бухарцев; в эту посылку он употреблял татар Сеитовой слободы, давши им хорошие деньги и обещавши еще более, если успеют приманить азиатцев. Татары исполнили как нельзя лучше поручение, и в 1745 году в Оренбурге происходила уже значительная торговля[35]. Мы уже приводили известия Неплюева об успехах этой торговли. В 1749 году Неплюев писал в Сенат, что в прошлом году русские купцы получили в Оренбурге серебра персидскою монетою от азиатских купцов 71 пуд 13 фунтов; а с последней половины апреля текущего года прибыло несколько бухарских и хивинских караванов, в которых тамошних обыкновенных товаров очень немного, но персидского серебра 418 пуд 22 фунта; а так как привозных туда из России товаров только на 140 000 рублей, из чего надобных азиатским купцам едва достанет ли, то по просьбе русских купцов принужден он дать им на почтовые подводы подорожные, с которыми они на своем коште отправляют нарочных в Москву и другие города, чтоб как можно скорее еще доставить нужных товаров в Оренбург; сверх того, писано в Казань, чтоб тамошние купцы спешили туда же с своими товарами, ибо если однажды русских товаров азиатским купцам не достанет, то этим они могут быть отохочены от приезда в Оренбург в большом числе. Сенат послал сказать Неплюеву, что его распоряжениями доволен. Скоро Неплюев сделал другое распоряжение: из привезенного азиатцами серебра большую половину взяли астраханские купцы за свои товары и повезли в Астрахань, а так как там находился порт, то Неплюев писал астраханскому губернатору о предосторожности, чтоб это серебро опять не ушло в Персию. Сенат послал указ в Астрахань: иметь крепкое смотрение, чтоб за границу никакого серебра не вывозилось[36].

Неплюев не был доволен малороссийским народонаселением уральских степей. При императрице Анне вызвано было туда из Малороссии 209 семей, которые жили сперва на казенном содержании, потом это содержание велено прекратить, но зато их не употребляли ни в какие наряды, никому не давали они повод, имели право ходить для промыслов в русские города. В 1744 году Неплюев представил Сенату о неспособности черкас: несмотря на данные им льготы, они нисколько не поправились и он принужден был раздать им несколько сот четвертей казенной ржи, чтоб некоторые из

них, особенно малолетные, престарелые и сироты, с голоду не померли. Некоторые из них просились поселиться внутрь линии на реке Кинели и в других местах ближе к русским жилищам, а другие желали возвратиться в Малороссию. Неплюев, рассуждая, что от жительства их при самой границе никакой пользы не предвидится, даже опасно, чтоб их, неосторожных и слабых людей, киргизы внезапными набегами не растаскали, как то в прошлом году и случилось с ними не в одном месте, позволил поселившимся на Яике при урочище Рассыпном, где особенно часты бывали воровские перелазы, переселиться на реку Кинель, о желании же других возвратиться в Малороссию донес Сенату, требуя его разрешения: Сенат разрешил отпустить их на родину, на прежние места жительства [37]. В том же 1744 году была учреждена Оренбургская губерния, губернатором которой назначен был Неплюев. К новой губернии отошли все вновь построенные по границе и строющиеся крепости с регулярными и нерегулярными войсками и прочими поселенцами, также две провинции — Исетская и Уфимская — со всеми башкирскими делами; наконец, оренбургский губернатор должен был ведать киргизский народ и тамошние пограничные дела [38].

Относительно Сибири и самых отдаленных ее местностей царствование Елисаветы началось религиозным распоряжением: в начале 1742 года в камчадальскую землицу определен Синодом для проповеди слова божия тобольского Спасского монастыря архимандрит Иосиф Зинкеевич. В конце года видим распоряжение об отправлении туда же архимандрита Хотунцевского с двумя студентами высших школ, которые должны были обучать новокрещеных детей русской грамоте, букварю с истолкованием божественных заповедей и катехизису. В Пекин на место умершего архимандрита Илариона Трусова отправлен был для проповеди слова божия архимандрит Гервасий Линцевский с иеромонахом и иеродиаконом. Вместе с заботами о хлебе духовном шли заботы о хлебе материальном. С первого поселения русских в Сибири до половины XVIII века правительство должно было кормить своих служилых людей в Сибири хлебом, привозимым из Европейской России. В 1746 году Сенат послал указ о посеве в верхиртышских крепостях хлеба — ржи, овса, ячменя. Сибирский губернатор Киндерман донес, что в 1747 году яровой и рожь родилась с прибылью, именно прибыли 4795 четвертей. Весною 1748 года посеян хлеб в тобольских, ишимских, колыванских, кузнецких и тарских линиях. Киндерман предлагал для успеха хлебопашества завести скотоводство, накупить быков и обещал, что через два года крепости будут пробавляться своим хлебом и прекратится убыточная для казны привозка хлеба в них. Сенат

«справедливость, славу монархини и пользу отечества ни за какую цену продавать не намерен». Шаховскому удалось довести дело до сведения императрицы, которая, выразившись прямо в пользу мнения генерала-криг-комиссара, заставила этим молчать покровителей Вульфа[184].

Все распоряжения относительно войска получили особенную важность, потому что в воздухе пахло войной, несмотря на видимое спокойствие. Сеть союзов, которою государства старались окружить себя, производила то, что где бы ни упала искра, пламя обхватывало всю Европу. В это время, когда в Петербурге с напряженным вниманием следили за движениями в Европе, готовясь принять в них деятельное участие, вдруг приходит известие с востока о восстании башкирцев. Причина восстания была религиозная: ревнители магометанства не могли переносить подчинения христианскому правительству. Виновником восстания было магометанское духовное лицо Батырша; почти все другие духовные лица действовали с ним заодно, и восстание вспыхнуло повсюду почти в один час. Неплюев, как нарочно, сильно занемог в это время; несмотря, однако, на болезнь, он сделал нужные распоряжения: разослал приказы в крепости по линии, чтоб были готовы к защите и по возможности делали поиски над бунтовщиками; велел немедленно выслать с Яика тысячу козаков; двинул внутрь страны три полка, находившиеся под его командою с приказанием не щадить ни людей, ни жилищ для внушения страха и уничтожения зла в самом начале; написал, чтоб присланы были четыре полка, находившиеся в Казанской губернии. Так как башкирцы ждали помощи от киргизов, то Неплюев написал наместнику Калмыцкого ханства Дундуку, чтоб прислал тысячу калмыков вследствие усиливающихся киргизских дерзостей, ибо калмыки питали страшную ненависть к киргизам; написал к донскому атаману, чтоб прислал тысячу своих козаков; около тысячи оренбургских козаков и 500 ставропольских крещеных калмыков отправил в те места по линии, где предвиделась опасность от киргизских нападений; к киргизам отправил на татарском языке листы от имени жившего в Оренбурге знатного магометанского лица, пользовавшегося особенным уважением; здесь говорилось, что хотя он и радуется подвигу своих единоверцев, но так как башкирцы народ вероломный и непостоянный, то опасно, чтоб киргизы, оказавши им помощь, не сделались первою их жертвою. Между башкирцами разбросаны были также листы от имени того же оренбургского духовного лица с увещанием прекратить бунт; в грамотах от своего имени Неплюев обещал тысячу рублей тому, кто поймает и приведет Батыршу, и 500 рублей за поимку десяти лучших его учеников.

Но прежде чем войска правительства двинулись в указанных им направлениях, башкирцы побили много русских, причем отличались страшною свирепостью, резали в куски тело несчастного, попавшегося им в руки. Сильное сопротивление бунтовщикам оказали тептери и мещеряки; когда же пришли русские полки, то бунтовщики принуждены были перебираться за Яик к киргизам, и перебралось их с женами и детьми более 50 000 душ. Неплюев послал в Киргизскую орду грамоты, в которых требовал, чтоб киргизы выдали бежавших к ним башкирцев мужеского пола или по крайней мере выгнали их из своей орды, а жен, дочерей и все имение взяли бы себе. Киргизы немедленно исполнили это требование; многие башкирцы, защищая своих жен и дочерей, были побиты, причем погибло много и киргизов; другие башкирцы прибежали в прежние свои жилища, и Неплюев велел пропускать их, чтоб они порассказали своим, как полагаться на киргизов. Толпа башкирцев явилась после того к Неплюеву за позволением отомстить киргизам. Неплюев позволения не дал, но переводчики внушили им, что «генералу нельзя вам позволить, но если вы без спроса разобьете киргизов, то думаем, что взыску с вас не будет». Башкирцы отправились за Яик и начали опустошать киргизские улусы. «Сие происшествие, — пишет Неплюев, — положило таковую вражду между теми мятежными народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна»[185].

Прекращение смуты на Востоке давало возможность сосредоточить внимание на Западе.

В Дрездене английский посланник Уильямс показал Гроссу королевский рескрипт, в котором говорилось, что польские происшествия, возвышение кредита французской партии и уничтожение кредита партии русской не могут побуждать его великобританское величество к возобновлению субсидного трактата с его польским величеством как саксонским курфюрстом. Уильямс предложил Гроссу, не заблагорассудит ли он сделать об этом внушения графу Брюлю, чтоб склонить его поступать умереннее с Чарторыйскими. Брюль сам заговорил с Гроссом о субсидном договоре с Англиею, причем жаловался на поведение Уильямса, действующего явно заодно с Чарторыйскими. Тогда Гросс прямо сказал ему о содержании рескрипта английского короля к своему министру и прибавил, что так как заключение субсидного трактата зависит от доношений Уильямса, то он, Брюль, должен обходиться с ним искреннее и дружественнее, чем в последние месяцы прошлого года. Брюль в ответ начал горячо оправдывать поведение двора относительно Чарторыйских; но после этого разговора с Гроссом он стал ласковее принимать Уильямса, который сообщил Гроссу о словах конференц-министра графа Рекса и советника посольства Саула, что если возобновление

Меншиков Александр Александрович, князь, генерал-поручик 504, 506, 508
Меншиков Александр Данилович, князь, генерал-фельдмаршал 177
Меншиковы 378
Меренков, посадский человек 20
Мещерский Григорий, князь, полковник 201
Миллер, доктор 17
Миллер (Мюллер) Герард Фридрих, историк, профессор Академии наук 256, 257, 263—271, 301, 678
Миних, барон, тайный советник 35
Миних Эрнест, фельдмаршал 325, 378, 402, 474, 658
Миркович, поручик 129, 130
Мирович 426
Мировичи 426
Митрофан, архиепископ тверской 32, 33
Митчель, английский посланник в Пруссии 330—332, 366, 368
Михаил, сербский священник 58
Михаил Федорович, царь 7, 259
Михайлов, крестьянин 18
Михайлов, монастырский служитель 106
Мичурин, архитектор 292
Мишуков, адмирал 520
Мнишек, граф, коронный гофмаршалл 67, 146, 185, 187—189, 216, 217, 219, 222—226, 240—242, 244, 329, 337, 427, 431, 443, 484, 533, 577, 578, 630
Мнишек, графиня 66, 630
Мовчан, сотник 442, 443
Мойсей, придворный врач 636
Мокрановский, генерал 223
Монси, врач 165
Монтескье, французский просветитель 347
Мориц, граф саксонский 7, 61—65
Морякин, винокуренный заводчик 177
Морякин, купец 645
Мосальский, аббат 534
Мосальский, князь, гетман польский 487
Мусин-Пушкин Алексей, граф, резидент в Данциге 490
Мусин-Пушкин Иван, поручик 19
Муслим, старшина 387
Мюллер. См. Миллер
Мясников Иван, совладелец «медных и железных заводов» 499
Мяснов, полковник 106
Нагорнов Иван, дворцовый крестьянин 105
Надастий, поручик 407
Надеин, асессор 176, 177
Надир (Тахмас Кулы-хан), персидский шах 112, 152
Наполеон I Бонапарт, император 641
Нарышкин Александр Львович, действительный тайный советник, сенатор 235
Нарышкин Лев Александрович, обер-шталмейстер 354
Нарышкина. См. Разумовская
Нахимовские 426
Нахимовский 426
Нащокин, гвардии майор 436
Нащокин Федор, коллежский советник 201
Невтон (Ньютон) 262
Немчинов Федор, раскольник 384
Ненадович Павел. См. Павел Ненадович
Неплюев Адриан Иванович, резидент в Турции 95—98, 148
Неплюев Иван Иванович, дипломат, правитель Малороссии (Украины), оренбургский генерал-губернатор, сенатор, 7, 35, 40, 43—46, 111, 181, 238, 239, 295, 300, 389, 390, 443, 585, 586, 594, 676
Неплюев, советник полиции 541
Неронов Василий, статский советник 201
Нестеров, помещик 19
Нестор, летописец, монах Киево-Печерского монастыря 267, 268, 270
Новиков Николай Иванович, общественный деятель, просветитель, издатель 301
Новакович Гаврила, капитан 126
Новакович Георгий, лейтенант 126
Новокщенов, капитан 32
Нолкен, швед, надворный канцлер 71
Ньюкестль, герцог, английский государственный деятель 83—85, 147, 192, 364, 365, 483, 572, 573, 626

Обрезков Алексей, секунд-майор, русский посланник в Турции 148—153, 196, 228—232, 253, 374—377, 488, 536, 579, 630
Огибалов Василий, обозный 582, 583